

Афанасий ФЕТ

* * *

Я тебе ничего не скажу,
Я тебя не встревожу ничуть.
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.
Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рошу зайдет,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет.
И в большую усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу.
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

Алексей КОЛЬЦОВ

ПЕСНЯ

Если встречу с тобой
Иль увижу тебя, -
Что за трепет, за огонь
Разольется в груди.
Если взглянешь, душа,
Я горю и дрожу,
И бесчувствен и нем
Пред тобою стою.
Если молвишь мне что,
Я на речи твои,
На приветы твои
Что сказать - не сыщу.
А лобзаньям твоим,
А восторгам живым
На земле, у людей
Выражения нет.
Дева - радость души,
Это жизнь - мы живем!
Не хочу я другой
Жизни в жизни моей.

Михаил ЛЕРМОНТОВ

* * *

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.
И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный - все храм,
Кумир поверженный - все бог!

Иван БУНИН

ПЕСНЯ

Я - простая девка на баштане,
Он - рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на Лимане,
Много видел он морей и рек.
Говорят, гречанки на босфоре
Хороши... А я черна, худа.
Утопает белый парус в море -
Может, не вернется никогда!
Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь - с баштана разотчусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

Борис КОРНИЛОВ

СОЛОВЬИХА

У меня к тебе дела такого рода,
Что уйдет на разговоры вечер весь, -
затвори свои тесовые ворота
и плотней холстиной окна занавесь.
Чтобы шли подруги мимо, парни мимо
и гадали бы и пели бы, скорбя:
«Что не вышла под окошко, Серафима?
Серафима, больно скучно без тебя...»
Чтобы самый ни на есть раскучерявый,
рвя по вороту рубахи алый шелк,
по селу Ивано-Марьину с оравой
Мимо окон под гармонику прошел.
Он все тенором, все тенором со злобой
Запевал, рука протянута к ножу:
«Ты забудь меня, красавица, попробуй...
я тебе тогда такое покажу...
Если любишь хоть всего наполовину,
Подожду тебя у крайнего окна,
постелю тебе пиджак на луговину
довоенного и тонкого сукна...»
А земля дышала, грузная от жиру,
и от омута соминого левой
соловьи сидели молча по ранжиру,
так, что справа самый старый соловей.
Перед ним вода зеленая, живая -
мимо заводов несется напролом,
он качается на ветке, прикрывая
соловьику годовалую крылом.
И трава грозой весеннею измята,
дышит грузная и теплая земля,
голубые ходят в омуте сомята
пол-аршинными усами шевеля.
А пиявки, раки ползают по илу...
Много ужаса вода в себе таит...
Щука - младшая сестрица крокодилу -
неживая возле берега стоит...
Соловьи в тишине большой и душной...
Вдруг ударил, золотистый, вдалеке,
видно, злой, и молодой, и непослушный
ей запел на соловьином языке:
«По лесам, на пустырях и на равнинах
не найти тебе прекраснее дружка -
принесу тебе яичек муравьиных,
нащиплю в постель я пуху из брюшка.
Мы постелем наше ложе над водою,
где шиповники все в розанах стоят,
мы помчимся над грозой, над бедою
и народим два десятка соловьят.
Не тебе прожить, без радости старея,
ты, залетная, ни разу не цвела.
Вылетай же, молодая, поскорее
из-под старого и жесткого крыла.
И молчит она, все в мире забывала,
я за песней, как за гибелью, слежу...
Шаль накинута на плечи пуховая...
«Ты куда же, Серафима?» -
«Ухожу».
Кисти шали, словно перышки, расправя,
Влюблена она, красива, нехитра, -
улетела. Я держать ее не вправе, -
просижу я возле дома до утра.
Подожду, когда заря сверкнет по стеклам,
золотая гаснет песня соловья -
пусть придет она домой с красивым, с теплым -
меркнут глаз его татарских лезвия.
От нее и от него пахнуло мятой,
он прощается у крайнего окна,
и намок в росе пиджак его измятый
довоенного и тонкого сукна.